

**Житие. Челобитные к царю.
Переписка с боярыней
Морозовой**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ж74

Ж74 Житие. Челобитные к царю. Переписка с боярыней Морозовой / – М.: Книга по Требованию, 2015. – 116 с.

ISBN 978-5-458-54373-6

Протопоп Аввакум – уникальная личность, так как им написано интереснейшее автобиографическое сочинение, форма которого ранее не имела бытовая в литературной среде Средневековья. Речь, разумеется, идет о «Житии». «Житие Аввакума, им самим написанное» - знаменитая автобиография, переведенная на многие языки мира. Автобиография написана как житие святого и представляет собой значительную ценность как исторический источник и литературный памятник. Не менее примечательными и стилистически новаторскими многие ученые признают и два других текста известного раскольника средневековой русской православной церкви – протопопа Аввакума: «Челобитные к царю» (приказной слог почти впервые применен в литературно-стилистических целях) и «Переписка с боярыней Морозовой» (эпистолярная письменность здесь представлена в форме литературной и семейно-бытовой с элементами исторической правдоподобности).

ISBN 978-5-458-54373-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

азъ проидохъ дѣломъ, и ничто-жь обрѣтохъ, но токмо тщету. Чтѣй да разумѣть. Ищитати бѣги небесныя любятъ погибающіи, понеже любви истинныя не пріяша, воеже спастися имъ; и сего ради послеть имъ Богъ дѣйство лъсти, воеже вѣровати имъ жи, да судъ примуть не вѣровавши истиннѣ, но благоволиша о неправдѣ (Чти Апостоль, 275).

Сей Діонисій, еще не пріидохъ в вѣру Христову, со ученикомъ своимъ во время распятія Господня бывъ в солнечнемъ граде, и видѣвъ: солнце во тму преложися и луна в кровь, звѣзды в полудне на небеси явилися чернымъ видомъ. Онъ же ко ученику глагола: «или кончина вѣку пріиде, или Богъ Слово плотію стражеть»; понеже не по обычаю тварь видѣ изменену: и сего ради бысть в недоумѣніи. Той же Діонисій пишетъ о солнечнемъ знаменіи, когда затмится: есть на небеси пять звѣздъ заблудныхъ, еже именуются луны. Сіи луны Богъ положилъ не въ предѣлахъ, яко-жь и прочіи звѣзды, но обтекаютъ по всему небу, знаменіе твора или во гнѣвъ, или в милость, по обычаю текуще. Егда заблудная звѣзда, еже есть луна, подтечетъ под солнце от запада и закроетъ свѣтъ солнечный, то солнечное затменіе за гнѣвъ Божій к людямъ бываетъ. Егда-жь бываетъ от востока луна подтекаетъ, то по обычаю шествіе творяще закрываетъ селнце.

А в нашей Росіи бысть затменіе: солнце затмилось въ 162 году, пред моромъ за мѣсяць или менши. Плыль Волгою рекою архіепископъ Симеонъ сибирской, и в полудне тма бысть перед Петровымъ днемъ недѣли за двѣ; часа с три плачючи у берега стояли; солнце померче, от запада луна подтекала. По Діонисію, являя Богъ гнѣвъ Свой к людямъ: в то время Никонъ отступникъ вѣру казилъ и законы церковныя, и сего ради Богъ изліялъ фіаль гнѣва ярости Своея на Рускую землю; зѣло моръ великъ былъ, нѣколи еще забыть, вси пом-

Аще криво живу, исправте мя; аще по воли Божіи, благодать Богу о неисповѣдимѣмъ Его дарѣ. Вотъ вамъ, питомникамъ церковнымъ, предлагаю житіе свое отъ юности и до лѣтъ пятьдесятъ пяти годовъ. (1675-1676) Авва Дорофей описалъ же свое житіе ученикамъ своимъ, понуждая ихъ на таяжде, поученіе 4, листъ 49; и я такожде, убѣждая вашу любовь о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, сказываю вамъ дѣемая мною, непотребнымъ рабомъ Божиимъ о святѣмъ Дусѣ со Отцемъ и Сыномъ. Богу благодареніе во вѣки.

Вотъ гребѣ, чадо мое возлюбленное, книга живота вѣчнаго; поминай мя в молитвахъ своихъ и старца не забывай Елифанія. Я писалъ, а онъ мнѣ молитвами помогалъ; над всѣмъ же симъ, благословить тя Господь и Марію твою Пименовну, и чада вашихъ, и снохъ, и внучатокъ, и сродниковъ, и знаемыхъ, и други, и другія, и вся: васъ любящія; еще еже да будетъ всякъ, благословляяй тя,

нимъ. Потомъ, минувъ годовъ с четырнатцеть, вдругорядъ солнцу затменіе было; в Петровъ постъ, въ пятокъ, в часть шестый тма бысть; соицне померче, луна подтекла от запада же, гнѣвъ Вожій являя: и протоппа Аввакума, бѣднаго горемыку, в то время с прочими остригли в соборной церкви власти и на Угрѣше в темницу, проклинавъ, бросили. Вѣрный разумѣть, что дѣлается въ земли нашей за нестроение церковное. Говорить о томъ полно; въ день вѣка познано будетъ всѣми; потерпимъ до тѣхъ мѣсть.

Той же Діонисій пишетъ о знаменіи солнца, како бысть при Ісусѣ Наввинѣ во Израили. Егда Ісусъ секой иноплеменники, и бысть солнце противо Гаваона, еже есть на полдняхъ, ста Ісусъ крестообразно, сирѣчь разпростре рuce свои, и ста солнечное теченіе, донеже враги погуби. Возвратилося солнце к востоку, сирѣчь назадъ отбѣжало, и паке потече, и бысть во дни томъ и въ ноци тридесеть четырьѣ часа, понеже въ десятый часъ отбѣжало, такъ в суткахъ десять часовъ прибыло. И при Езекин царѣ бысть знаменіе: оттече солнце вспяты во вторыйнадесять часъ дня, и бысть во дни и в ноци тридесять шесть часовъ. Чти книгу Діонисіеву, тамъ пространно уразумѣшь.

Онъ же Діонисій пишетъ о небесныхъ силахъ, росписуеъ, возвѣщая, како хвалу приносятъ Богу, раздѣляяся деветь чиновъ на три троицы. Престоли, херувими и серафими освященіе от Бога приѣмлютъ и сице восклицаютъ: благословенна слава от мѣста Господня! И чрезъ ихъ преходить освященіе на вторую троицу, еже есть господства, начала, власти; сія троица, словословя Бога, восклицаютъ: аллилуія, аллилуія, аллилуія! По алфавиту, а ль Отцу, и ль Сыну, у і я Духу Святому. Григорій Нискій толкуеъ: аллилуія — рѣчь, хвала Богу; а Василій Великій пишетъ: аллилуія — ангельская рѣчь, человѣчески рещи: слава Тебѣ, Боже! До Василія пояху во церкви ангельскія рѣчи: аллилуія, аллилуія, аллилуія! Егда же

благословенъ, и проклинаяй ты — проклятъ; и да подасть ти Господь от влаги земная и отъ росы небесная свыше, и множа да умножитъ в дому твоёмъ всякія красоты и благодати, и да ясте ветхая ветхихъ, и ветхая от лица новыхъ изрините, сирѣчь всего изобильно и с остатками; дай вамъ, Господи, и хлѣба, и мяса, и рыбы; от женъ да ядятъ сія хлѣбы священныя. Виждь, архіерей сестру чистоту и еросу назнаменована, и ясти брашно священническо пѣвелѣ по нуждѣ аlichюшимъ отрокомъ Давидовымъ. Давидъ же яде, благодаря, яко попь. Колми же нынѣшняя наша нужда належитъ ходячимъ спасиися, нужно намъ таинство то получить истинное, а прочія тайны мощно и простолюдину совершить. Есть и писано: не всѣхъ рукополагаетъ Духъ Святой, но всѣми дѣйствуетъ о Христѣ Ісусѣ Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ. Аминь. *(Третья редакция).*

бысть Василій. и повелѣ пѣти двѣ ангельскія рѣчи, а третью, чудотѣческую, сице: аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! У святыхъ согласно, у Діонисія и у Василя; трижды воспѣвающе, со ангелы славимъ Бога, а не четырки, по римской бляди; мерско Богу четверичное воспѣваніе сицево: аллилуія, аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже! Да будетъ прокляты сице поюще. Паки на первое возвратимся. Третьяя троица, силы, архангели, ангели, чрезъ среднюю троицу освященіе приѣмля, поютъ: святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ, исполнь небо и земля славы Его! Зри: тричислено и сіе воспѣваніе. Пространно Пречистая Богородица протолковала о аллилуіи, явилася ученику Ефросина Псковскаго, именемъ Василю. Велика во аллилуіи хвала Богу, а от зломудръствующихъ досада велика, — поримски Святую Троицу в четверицу глаголють, Духу и от Сына исхожденіе являютъ; зло и проклято се мудрованіе Богомъ и святыми. Правовѣрныхъ избави Боже сего начинанія злаго, о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашемъ, Ему же слава нынѣ и присно и во вѣки вѣбовъ. Аминь.

Ананасій великій рече: иже хочетъ спастися, прежде всѣхъ подобаетъ ему держати кафолическая вѣра, ея же аще кто цѣлы и непорочны не соблюдаетъ, кромѣ всякаго недоумѣнія, во вѣки погибнетъ. Вѣра жъ кафолическая сія есть, да единаго Бога в Троицѣ и Троицу во единце почитаемъ, ниже сливающе составы, ниже раздѣляюще существо; инъ бо есть составъ Отець, инъ — Сыновень; инъ — Святаго Духа; но Отчее и Сыновнее, и Святаго Духа едино Божество, равна слава, соприносущно величество; яковъ Отець, таковъ Сынъ, таковъ и Духъ Святыи; вѣченъ Отець, вѣченъ Сынъ, вѣченъ и Духъ Святыи; не созданъ Отець, не созданъ Сынъ, не созданъ и Духъ Святыи; Богъ Отець, Богъ Сынъ, Богъ и Духъ Святыи не три бози, но единъ Богъ; не три несозданія, но единъ несозданныи, единъ вѣчный. Подобне: вседержитель Отець, вседержитель Сынъ, вседержитель и Духъ Святыи. Равнѣ: непостижимъ Отець, непостижимъ Сынъ, непостижимъ и Духъ Святыи. Обаче не три вседержители, но единъ вседержитель; не три непостижимія, но единъ непостижимый, единъ пресущный. И в сей святѣй Троице ничтоже первое или послѣднее, ничтоже более или мнѣе, но цѣлы три составы и соприносущны суть себѣ равны. Особно бо есть Отцу нерожденіе, Сыну же рожденіе, а Духу Святому исхожденіе: обще же имъ Божество и царство. (Нужно бо есть побесѣдовати и о вочеловѣченіи Бога Слова к вашему спасенію). За благодть щедротъ излія Себе от Отеческихъ

нѣдръ Сынъ-Слово Божіе в Дѣву чисту Богоотроковицу, егда время наставало, воплотився от Духа Свята и Маріи Дѣвы вочеловѣчився, насъ ради пострадалъ, и воскресе въ третій день, и на небо вознесся, и сѣде одесную величествія на высокихъ и хошетъ паки прійти судити и воздати комуждо по дѣломъ его, Его же царствію нѣсть конца. И сіе смотреніе въ Бозѣ бысть прежде, даже не создатися Адаму, прежде, даже не вообразитися. (Совѣтъ Отець). Рече Отець Сынови: сотворимъ челоуѣка по образу Нашему и по подобію. И отвѣща другій: сотворимъ, Отче, и преступитъ бо. И паке рече: о, единородный Мой! о, свѣте Мой! о, Сыне и Слове! о, сіяніе славы Моея! аще промышляеши созданиємъ Своимъ, подобаеъ Ти облещися въ тлимаго челоуѣка, подобаеъ Ти по земли ходити, плоть воспріяти, пострадати и вся совершити. И отвѣща другій: буди, Отче, воля Твоя! И по семьъ создася Адамъ. Аще хоцещи пространно разумѣти, чти Маргарить: Слово о вочеловѣченіи; тамо обряцещи. Азъ кратко помянуль, смогреніе показуя, Сице всякъ вѣруяй в Онъ не постыдится, а не вѣруяй осужденъ будетъ и во вѣки погибнетъ, по вышереченному Аванасію. Сице азъ, протопопъ Аввакумъ, вѣрую, сице исповѣдаю, с симъ живу и умираю.

Рожденіе же мое в Нижегородскихъ предѣлахъ, за Кудимою рекою, в селѣ Григоровѣ. Отець ми бысть священникъ Петръ, мати — Марія, инока Марѳа. Отецъ же мой прилежае питія хмельнова; мати же моя постница и молитвенница бысть, всегда учаше мя страху Божію. Азъ же нѣкогда видѣвъ у сосѣда скотину умершу, и той ноци, возставше, предъ образомъ плакався довольно о душе своей, поминая смерть, яко и мнѣ умереть; и с тѣхъ мѣстъ обыкохъ по вся ноци молится. Потомъ мати моя овдовѣла, а я осиротѣлъ молодъ, и от своихъ соплеменникъ во изгнаніи быхомъ. Изволила мати меня женить. Азъ же Пресвятѣй Богородице молихся, да дасть ми жену помощницу ко спасенію. И в томъ же селѣ девица, сиротина-жь, безпрестанно обыкла ходити во церковь, — имя ей Анастасія. Отець ея былъ кузнецъ, именемъ Марко, богатъ гораздо; а егда умре, послѣ ево вся истощилось. Она же в скудости живяше и жоялешся Богу, да же сочетается за меня совокупленіемъ брачнымъ; и бысть, по воли Божіи, тако. Посемъ мати моя отыде к Богу в подвиже велице. Азъ же от изгнанія преселихся во ино мѣсто. Рукоположенъ во діаконы двадесяти лѣтъ

з годомъ, и по дву лѣтѣхъ в пошы поставленъ; живой в пошѣхъ осмѣ лѣтъ, и потомъ совершенъ в протопошы православными епископы, — тому двадесеть лѣтъ минуло; и всего тридесять лѣтъ, какъ имѣю священство.

А егда въ попахъ былъ, тогда имѣлъ у себя дѣтей духовныхъ много, — по се время сотъ с пять или с шесть будетъ. Не почивая, азъ, грѣшный, прилежа во церквахъ, и в домѣхъ и на распутияхъ, по градомъ и селамъ, еще же и в царствующемъ градѣ, и в странѣ Сибирьской проповѣдуя и уча слову Божию, — годовъ будетъ тому с полтретьятцеть.

Егда еще былъ в пошѣхъ, приидѣ ко мнѣ исповѣдаться дѣвица, многими грѣхми обремененна, блудному дѣлу и малакии всякой повинна; нача мнѣ, плакавшея, подробну возвѣщати во церкви предъ Евангеліемъ стоя. Азъ же, троекаянный врачъ, самъ разболѣлся, внутрь жгомъ огнемъ блуднымъ, и горко мнѣ бысть в той часъ: зажегъ три свѣщи и прилепилъ к налою, и возложилъ руку правую на пламя, и держалъ донече во мнѣ угасло злое разженіе, и, отпустя дѣвицу, сложя ризы, помоляся, пошелъ в домъ свой зѣло скорбенъ. Время же яко полнощи, и пришедъ во свою избу, плакався предъ образомъ Господнимъ, яко и очи опухли, и моляся прилѣжно, да же отлучить мя Богъ от детей духовныхъ: помеже бремя тяшко, неудобъ носимо. И падохъ на землю на лица своемъ, рыдаше горце и забыхся, лежа; не вѣмъ, какъ плачу; а очи сердечнии при реке Волге. Вижу: пловать стройно два корабля златы, и весла на нихъ златы, и шесты златы, и все злато; по единому кормщику на нихъ сидѣльцовъ. И я спросилъ: «чье корабли?» И онѣ отвѣщали: «Лукинъ и Лаврентіевъ». Сіи быша ми духовныя дѣти, меня и домъ мой наставили на путь спасенія, и скончались богоугодне. А се потомъ вижу третьей корабль, не златомъ украшенъ, но разными пестротами, — красно, и бело, и сине, и черно, и пепелесо, — его же умъ чловѣчь не вмести красоты его и доброты; юноша свѣтель, на кормѣ сидя, править; бежитъ ко мнѣ из-за Волги, яко пожрати мя хочетъ. И я вскричалъ: «чей корабль? — И сидяй на немъ отвѣщаль: «твой корабль! на, плавай на немъ з женою и детьми, коли докучаешь!» И я вострепетахъ, и слѣдше разсуждаю: что се видимое? и что будетъ плаваніе?

А се по мале времени, по писанному, объяша мя болѣзни смертныя, бѣды адовы обрѣтоша мя: скорбь и болѣзнь обрѣтохъ. У вдовы началникъ отнялъ дочеръ, и азъ молихъ его, да же спротину возвратитъ к мате-

ри: и онъ, презрѣвъ моленіе наше, и воздвигъ на мя бурю, и у церкви, пришедъ сонмомъ, до смерти меня задавили. И азъ лежа мертвъ полчаса и болши, и паки оживе Божиимъ мановеніемъ. И онъ, устрасяся, отступился мнѣ дѣвицы. Потомъ научилъ ево дьяволъ: пришедъ во церковь, билъ и волочилъ меня за ноги по землѣ в ризахъ, а я молитву говорю в то время.

Таже инъ началникъ, во ино время, на мя разсвирепѣлъ, — прибѣжалъ ко мнѣ в домъ, бивъ меня, и у руки огрызъ персты, яко песь, зубами. И егда наполнилась гортань ево крови, тогда руку мою испустилъ из зубовъ своихъ и, покиня меня, пошелъ в домъ свой. Азъ же, поблагодаря Бога, завертѣвъ руку платомъ, пошелъ к вечернѣ. И егда шелъ путемъ, наскочилъ на меня онъ же паки со двема малыми пищальми и, близъ меня бывъ, запалилъ исъ пистоли, и, Божіею волею, на полкъ порохъ пыхнулъ, а пищаль не стрелила. Онъ же, бросилъ ея на землю, и из другія паки запалилъ такъ же, и Божія воля учинила такъ же, — и та пищаль не стрелила. Азъ же прилѣжно, идучи, молюсь Богу, одиною рукою осенилъ ево и поклонился ему. Онъ меня лаеетъ; а я ему реклъ: «благодать во устнѣхъ твоихъ, Иванъ Родіоновичъ, да будетъ!»*) Посемъ дворъ у меня отнял, а меня выбилъ, всего ограбъ, и на дорогу хлѣба не далъ.

В то же время родился сынъ мой Прокопей, который сидитъ с матерью в землѣ законанъ. Азъ же, взявъ клюшку, а мати — некрещенова младенца, побрели, амо же Богъ наставитъ, и на пути крестили, яко же Филиппъ каженика древле. Егда жъ азъ прибелъ к Москвѣ, к духовнику протопопу Стефану и к Неронову протопопу Ивану, они же обо мнѣ царю извѣстиша, и государь меня почаль с тѣхъ мѣсть знати. Отцы же з грамотою паки послали меня на старое мѣсто, и я притащилъся: ано и стѣны разорены моихъ храминъ. И я паки позавелся; а дьяволъ и паки воздвигъ на меня бурю. Придоша в село мое цлясовы медвѣди з бубнами и з домрами: и я, грѣшникъ, по Христвѣ ревнуя, изгналъ ихъ, и ухаи и бубны изломалъ на поле единъ у многихъ, и медвѣдей двухъ великихъ стнялъ, — одново ушибъ, и паки ожилъ, а другова отпустилъ в поле. И за сіе меня Василей Петровичъ Шереметевъ, плувучи Волгою в Казань на воеводство, взявъ на судно, и браня много, велѣлъ благословить сына своего Матфея бритобратца. Азъ же не благословилъ, но от Писанія ево и порицалъ, видя

*) Сердитоваль на меня за церковную службу: ему хочется скоро, а я пою по уставу, не борзо; такъ ему было досадно.

блудлюбный образъ. Бояринъ же, гораздо осердясь, велѣлъ меня бросить в Волгу и, много томя, протоѣкали. А опослѣ учинились добры до меня: у царя на сѣняхъ со мною прощались; а брату моему меньшому боярону Васильева и дочь духовная была. Такъ-то Богъ строить своя люди!

На первое возвратимся. Таже инъ начальникъ на мя разсвирѣпель: приехавъ с людьми ко двору моему, стрелялъ из луковъ и ис пищалей с приступомъ. А азъ в то время, запершися, молился с воплемъ ко Владыке: «Господи, укроти ево и примири, ими же вѣси судбами!» И побѣжалъ от двора, гонимъ Святымъ Духомъ. Таже в ночь ту побѣжали от него и зовуть меня со многими слезами: «батюшко государь! Евѡимей Стефановичъ при кончинѣ, и кричить неудобно, бьетъ себя и охаеъ, а самъ говорить: дайте мнѣ батка Аввакума! за него Богъ меня наказуеъ!» И я чаялъ, меня обманываютъ; ужасея духъ мой во мнѣ. А се помолить Бога сице: «Ты, Господи, изведи мя из чрева матери моея и от небытія в бытіе мя устроил! Аще меня задупать, и Ты причти мя с Филипомъ и митрополитомъ московскимъ; аще зарѣжутъ, и Ты причти меня з Захаріею пророкомъ; а буде в воду посадятъ, и Ты, яко Стефана пермьскаго, свободишь мя!» И моляся, поехалъ в домъ к нему Евѡимію. Егда-жъ привезоша мя на дворъ, выбѣжала жена ево Неонила и ухватила меня под руку, а сама говорить: «поди-тко, государь нашъ батюшко, поди-тко, свѣтъ нашъ кормилецъ!» И я сопротивъ того: «чюдно! давеча былъ блядинъ сынъ, а топерва: батюшко! Болю у Христа-того остра шелепуга-та: скоро повинилъся мужъ твой!» Ввела меня в горницу. Вскочилъ с перины Евѡимей, палъ пред ногами моими, вопить неизреченно: «прости, государь, согрѣшилъ пред Богомъ и пред тобою!» А самъ дрожитъ весь. И я ему сопротиво: «хощеши ли впредь цель быти?» Онъ же, лежа, отвѣща: «ей, честный отче!» И я рекъ: «востани! Богъ проститъ тя!» Онъ же, наказанъ гораздо, не могъ самъ востати. И я поднялъ, и положилъ ево на постелю, и исповѣдалъ, и масломъ священнымъ помазалъ, и бысть здравъ. Такъ Христосъ изволилъ. И на утро отпустилъ меня честно в домъ мой, и з женою быша ми дѣти духовныя, изрядныя раби Христовы. Такъ-то Господь гордымъ противится, смиреннымъ же даетъ благодать.

Помале паки иніи изгнаша мя от мѣста того вдругорядъ. Азъ же сволюкъся к Москвѣ и, Божіею волею, государь меня велѣлъ в протопопы поставить въ Юрьевецъ-Повольской. И тутъ пожилъ немного, — только осмъ недѣль: дьяволъ научилъ поповъ и мужиковъ и бабъ, —

пришли к патриархову приказу, гдѣ я дѣла духовныя дѣлалъ, и, вытща меня ис приказа собраніемъ, — человекѣтъ с тысящу и с полторы ихъ было, — среди улицы били батожемъ и топтали; и бабы были с рычагами. Грѣхъ ради моихъ, замертва убили и бросили под избной уголъ. Воевода с пушкарями прибѣжали, и, ухватя меня, на лошади умчали в мое дворишко; и пушкарей воевода около двора поставилъ. Людѣ же ко двору приступаютъ, и по граду молва велика. Наипаче же попы и бабы, которыхъ унималъ от блудни, вопятъ: «убить вора, блядина сына, да и тѣло собакамъ в ровъ кинемъ!» Азъ же, отдохня, в третей день ночью, покиня жену и дѣти, по Волге самъ-третей ушелъ к Москвѣ. На Кострому прибѣжалъ, — ано и тутъ протопопа-жъ Данила изгнали. Охъ, горе! вездѣ от дьявола житья нѣтъ! Прибрелъ к Москвѣ, духовнику Стефану показался; и онъ на меня учинился печаленъ: на што-де церковь соборную покинулъ? Опять мнѣ другое горе! Царь пришелъ к духовнику благословитца ночью; меня увидель тутъ; опять кручна: на што-де городъ покинулъ? — А жена и дѣти и домочадцы, человекъ з дватцетъ, в Юрьевце остались: невѣдомо — живы, невѣдомо — прибиты! Тутъ паки горе.

Посемъ Никонъ, другъ нашъ, привезъ ис Соловковъ Филиппа митрополита. А прежде его приѣзду Стефанъ духовникъ моля Бога и постая седмицу з братьею, — и я с ними тутъ же, — о патриархѣ, да же дасть Богъ пастыря ко спасенію душъ нашихъ, и с митрополитомъ казанскимъ Корниліемъ, написавъ челобитную за руками, подали царю и царицѣ — о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть в патриархахъ. Онъ же не восхотѣлъ самъ, и указалъ на Никона митрополита. Царь ево и послушалъ, и пишетъ к нему посланіе навстрѣчю: Пресвященному митрополиту Никону новгородскому и великолукскому и всеа Русіи радоватися, и прочая. Егда-жъ приехалъ, с нами, яко лисъ: челомъ да здорово. Вѣдаетъ, что быть ему в патриархахъ, и чтобы отгуля помѣшка какова не учинилась. Много о тѣхъ козняхъ говорить! Егда поставили патриархомъ, такъ друзей не сталъ и в крестовую пускать! А се и ядъ отрыгнулъ. В постъ великой прислалъ память х Казаньской к Перонову Иванну. А мнѣ отецъ духовной былъ; я у него все и жилъ в церквѣ: егда куды отлучится, ино я вѣдаю церковь. И к мѣсту, говорили, на дворецъ к Спасу, на Силино покойника мѣсто; да Богъ не изволялъ. А се и у меня радѣніе худо было. Любо мнѣ, у Казаньскіе тое держался, чель народу книги. Много людей приходило. — В памяти Никонъ пишетъ: Годъ и число. По преданію святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, не подобаетъ во церкви метанія творити на колѣну, но в

поясъ бы вамъ творити поклоны, еще же и трема персты бы есте крестились. — Мы же задумались, сошедшея между собою: видимъ, яко зима хочеть быти; сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ церковь; а самъ единъ скрылся в Чюдовъ, — седмицу в полатке молился. И тамъ ему от образа гласъ бысть во время молитвы: время приспѣ страданія, подобаеть вамъ неослабно страдати! Онъ же мнѣ, плачючи, сказалъ; таже коломенъскому епископу Павлу, его же Никонъ напоследоужь огнемъ жжегъ в новгородскихъ предѣлахъ; потомъ — Данилу, костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братье. Мы же з Даниломъ, написавъ не книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонехъ, и подали государю; много писано было; онъ же не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ; мнитмися, Никону отдалъ.

Послѣ тово вскорѣ схватавъ Никонъ Данила, в монастырѣ, за Тверскими вороты, при царѣ остригъ голову и содравъ одарятку, ругая, отведъ в Чюдовъ в хлѣбню и, муча много, сослалъ в Астрахань. Венець терновъ на главу ему тамъ возложили, в земляной тюрьмѣ и уморили. Послѣ Данилова стриженія взяли другова, темниковскаго Данила-жъ протопопа, и посадили в монастырѣ у Спаса на Новомъ. Таже протопопа Неронова Иванна — в церквѣ скуфью снялъ и посадилъ в Симанове монастырѣ, опослѣ сослалъ на Вологду, в Спасовъ Каменной монастырь, потомъ в Колской острогъ. А напоследоужь, по многому страданіи, изнемогъ бѣдной, — принялъ три перста, да такъ и умеръ. Охъ, горе! всякъ, мняйся, стоя, да блюдется, да ся не падеть! Люто время, по реченному Господемъ, аще возможно духу антихристову прельстити и избранныя. Зѣло надобно крѣпко молитися Богу, да спасеть и помилуетъ насъ, яко благъ и человекълюбець.

Таже меня взяли от всенощнаго Борисъ Нелединской со стрелцами; человекъ со мною с шестьдесятъ взяли: ихъ в тюрьму отвели, а меня на патриархове дворѣ на чепъ посадили ночью. Егда-жъ разсвѣтало въ день недѣльный, посадили меня на тѣлегу и ростянули руки, и везли от патриархова двора до Андроньева монастыря, и тутъ на чепи кинули в темную полатку, ушла в землю, и сидѣлъ три дни, ни ель, ни пилъ; во тмѣ сидя, кланялся на чепи, не знаю — на востокъ, не знаю — на западъ. Никто ко мнѣ не приходилъ, токмо мыши и тараканы, и сверчки кричатъ, и блохъ довольно. Бысть же я в третій день приаляченъ, — свирѣчь есть захотѣлъ, — и послѣ вечерни ста предо мною невѣмъ — ангелъ, не вѣмъ — человекъ, и по се время не знаю, токмо в потемкахъ молитву сотворилъ и, взявъ меня за плечо, с чепью к лавке привелъ и посадилъ, и лошку в руки далъ, и хлѣбца

немношко и штець даль похлѣбать, — зѣло прикусны, хороши! — и рекль мнѣ: «полно, довѣсть ти ко укреплению!» Да и не стало ево. Двери не отворялись, а ево не стало! Дивно только человекъ; а что жь ангель? ино нѣчему дивитца — вездѣ ему не загорожено. На утро архимарить з братьею пришли и вывели меня; жкурят мнѣ, что патріарху не покорялся: а я от писанія ево браню и лаю. Сняли болшую чепь, да малую наложили. Отдали черницу под началь, велѣли волочить в церковь. У церкви за волосы деруть, и под бока толкають, и за чепь трогають, и в глаза плюють. Богъ ихъ простить в сій вѣкъ и в будущій: не ихъ дѣло, но сатаны лукаваго. Сидѣлъ тутъ я четыре недѣли.»)

В то время послѣ меня взяли Логина, протопопа муромскаго: в соборной церкви, при царѣ, остригъ в обѣдню. — Во время переноса снялъ патріархъ со главы у архидьякона дискось и поставилъ на престоль с тѣломъ Христовымъ; а с чашею архимарить чудовской Ферапонть виѣ олтара, при дверехъ царскихъ стоялъ. Увы расчѣвенія тѣла Христова, пущи жидовскаго дѣйства! — Остригше, содрали с него однарятку и кафтанъ. Логинъ же разжегся ревностію Божественнаго огня, Ницона порицая, и чрезъ порогъ в олтаре в глаза Никону плевалъ; распоясався, схватя с себя рубашку, в олтаре в глаза Никону бросилъ; чюдно, растопоряся рубашка и покрыла на престолѣ дискось, бытто воздухъ. А в то время и царица в церквѣ была. На Логина возложили чепь и, таща ис церкви, били метлами и шелепами до Богоявленскаго монастыря, и кинули в полагку нагова, и стрельцовъ на карауле поставили накрѣпко стоять. Ему-жь Богъ в ту ночь даль шубу новую да шапку; и на утро Никону сказали; и онъ разсмѣявся, говорить: «знаю-су я пустосвятовъ тѣхъ!» — и шапку у него отнял, а шубу ему оставилъ.

Посемъ паки меня из монастыря водили цѣшева на патріарховъ дворъ, также руки ростая, и, стязався много со мною, паки также отвели. Также в Никитинъ день ходъ со кресты, а меня паки на телѣге везли противъ крестовъ. И привезли к соборной церквѣ стричъ, и держали в обѣдню на порогѣ долго. Государь с мѣста сошелъ и, приступя

*) Тутъ же в церкви у нихъ былъ нашъ братъ подначальнико ис Хамовниковъ, пьянства ради, предавъ бѣсовъ, и гораздо бѣвился, томимъ от бѣсовъ. Азь же зжалихся грѣшными об немъ в обѣдню стоя на чепи, Христа-свѣта и Пречистую Богородицу помолилъ, чтобъ ево избавили от бѣсовъ. Господь же ево бѣднава и простилъ, бѣсовъ отгналъ. Онъ же цѣлоумень сталъ, заплакавъ, и ко мнѣ поклонился до земли; я ему заказалъ, чтобъ про меня не сказалъ никому; людіе же не догадались о семъ, учили звонить и молебень пѣть. (Третья редакция).